

- приоритет развития человеческой личности в новом глобализирующемся мире, т. е. человек информационной эпохи, чьи межличностные и социальные взаимодействия радикально перестраиваются и становятся более интенсивными, должен быть готов к восприятию всего богатства информационных потоков. Личность постиндустриальной эпохи должна обладать устойчивыми механизмами нравственной селекции информационных влияний с тем, чтобы реально противостоять разнообразным информационным угрозам и деструктивным попыткам манипулирования как индивидуальным, так и массовым сознанием и поведением граждан;

- глобализация как приоритетное направление мирового развития должна трансформироваться во взаимодействие стран и народов с целью обеспечения их общего и приемлемого для всех будущего. Человечество должно развиваться в направлении создания такого социального устройства, которое у ряда исследователей характеризуется как «новое общество» (П. Дракер), «постсовременное» (Ж.-Ф. Лиотар), «зрелое» (Д. Габор), «завершенное» (Д. Макклелланд), «телепатическое» (Дж. Мартин), «информационное» (А. Лаборит).

Таким образом, именно эти приоритеты характеризуют сегодня социокультурную динамику развитых стран. Суть этих ориентаций заключена в характерном для современной социальной мысли понимании самой модели постиндустриального развития: если индустриальные общества были ориентированы на цели и ценности развития производства и прогресс технологий, то в постиндустриальной цивилизации основополагающим приоритетом становится качество жизни человека. Среди множества перспектив и приоритетов постиндустриального развития мира в условиях глобализации, перечисленные выше направления можно рассматривать в качестве основных векторов, играющих роль своеобразных ценностных регулятивов для цивилизационного выбора стран, ориентированных на постиндустриальный тип развития и эффективную интеграцию в систему глобальных взаимодействий.

Список использованных источников

1. Бабурин, С. Н. Глобализация в перспективе устойчивого развития / С. Н. Бабурин, М. А. Мунтян, А. Д. Урсул. – М., 2011. – 496 с.
2. Делягин, М. Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М. Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – 528 с.
3. Хен, Ю. В. Сохранение культурного многообразия малых народов как проблема «качественной демографии» / Ю. В. Хен // Россия: многообразие культур и глобализация / Ин-т философии РАН, Москов. философское об-о; отв. ред. И. К. Лисеев. – М., 2010. – С. 235–260.
4. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец // Междунар. ин-т П. Сорокина-Н. Кодратьева. – М., 2001. – 346 с.

(Дата подачи: 19.02.2015 г.)

И. Я. Мацевич-Духан

Белорусская государственная академия искусств, Минск

I. Ja. Matsevich-Dukhan

The Belarusian State Academy of Arts, Minsk

УДК 101.1

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ В ФИЛОСОФИИ СТРУКТУРАЛИЗМА И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

THE PHENOMENON OF CULTURAL INDUSTRIES IN STRUCTURALIST AND POST-STRUCTURALIST PHILOSOPHY

В статье раскрывается специфика структуралистских и постструктуралистских методов осмысления природы культурной индустрии как языкового феномена. Демонстрируется роль семиотической и герменевтической практики философского анализа в формировании современных социально-экономических программ управления сферой культуры.

Ключевые слова: культурная индустрия; структурализм; постструктурализм; семиотический анализ; мода; семиология культуры; «открытое производство»; «непроизводительный труд».

The article reveals specific features of structural and post-structural methods of reflection on the nature of cultural industries as a language phenomenon. The author demonstrates the role of semiotic and hermeneutic practices of philosophical analysis in the formation of the present-day social and economic programmes in the field of culture management.

Key words: cultural industry; structuralism; post-structuralism; semiotic analysis; fashion; semiology of culture; the «open work»; «unproductive labour».

После критического исследования процессов взаимодействия искусства, науки, промышленности и бизнеса представителями Франкфуртской школы эти процессы в их различных проявлениях были подвергнуты анализу представителями *структурализма и постструктурализма*. В качестве репрезентативных работ, иллюстрирующих специфику исследования различных сфер культурной индустрии при переходе от структурализма к постструктурализму, могут служить труды французских философов Р. Барта и Ж. Бодрийяра, а также итальянского философа У. Эко.

Система моды как объект семиотического анализа Р. Барта

Одним из первых, кто попытался выявить структурные основания, принципы и закономерности функционирования различных типов систем культурной индустрии, был Р. Барт. Проводя семиотический анализ системы моды, он выделил уровни ее существования и интерпретации: вестиментарный код, терминологическая система, риторическая система и метаязык аналитика [1, с. 326]. Эта сконструированная схема анализа системы моды может быть апплицирована на различные сферы культурной индустрии, яв-

ляясь своего рода теоретическим инструментом их исследования. Однако сложность подобного исследования заключается в том, что метаязык анализа оказывается доступен для понимания лишь в рамках ограниченного интеллектуального сообщества. Ставя задачу универсализации применения данного рода метаязыка, Р. Барт писал о необходимости развития семиотики культуры как инструмента преодоления одномерной интерпретации знаковых систем современной культуры, детерминированной определенной идеологией как системой заданных и довлеющих дешифровочных кодов.

В этом смысле семиология культуры не только предоставляет инструментарий работы, способ выявления сокровитного, но, что особенно важно, создает новый объект анализа для социогуманитарных наук. Описываемая новая предметная область исследования стала объектом приложения различных методологий, выходящих за рамки структурализма. Этот выход был задан необходимостью превращения самой структуралистской парадигмы в объект критики, так как постепенно она превращалась в одну из академических идеологий.

Ряд статей Р. Барта, посвященных рассмотрению сущности рекламы, фотографического и кинематографического искусств, представляют наглядный пример способов конституирования специального категориально-понятийного аппарата, системы координат реализации исследования культурной индустрии для преодоления эмпирического уровня анализа. В рамках работ Р. Барта различные сферы культурной индустрии выступили одновременно как системы производства и потребления, регионы репрессивного управления, давления и манипулирования, наслаждения, удовлетворения и эйфории. Констатируя непреодолимость воздействия тиражируемых знаков на индивидуальное сознание, единственным средством существования в подобной среде является ироничное отношение к реальности и маркирование ее с помощью кавычек. Однако даже пессимистичная надежда была отвергнута Р. Бартом в его поздних работах 70-х годов XX столетия в связи с переходом философа в «лагерь» постструктуралистов.

Теория «открытого производства» У. Эко

Как и поздний Р. Барт, развивая критику классического структурализма, У. Эко приходит к выводу о невозможности выявления какого-либо рода протоструктуры в социокультурных системах. Сопоставляя особенности структурного и серийного мышления, он отдает предпочтение последнему из-за его незавершенного характера, создающего пространство для производства и трансформации кодов. Ярким примером реализации «поэтики серийного мышления» [2, с. 392], согласно У. Эко, является авангард и современное экспериментальное искусство, «способное к самоориентации, к постоянному выбору, к непрестанному пересмотру устанавливающихся грамматик...» [2, с. 392]. Исследуя специфику этого рода мышления, У. Эко обосновывает идею «открытого производства», которая позволяет обозна-

чить своеобразие продуктов деятельности представителей современного искусства. Методология У. Эко становится сегодня особенно актуальной в контексте выработки и обоснования концептуальных оснований программ культурной индустрии.

Критикуя структурализм, У. Эко не впадает в абсолютный пессимизм относительно перспектив развития индивида в социальных системах, где невозможно изменить смысл, содержание и форму транслируемых сообщений. Даже в этих условиях остается шанс «...изменить – таким партизанским способом – обстоятельства, в которых адресаты избирают собственные коды прочтения» [2, с. 529], благодаря чему становится возможным преобразование семиологии из «описательной дисциплины» в «проект действия» [2, с. 530].

В контексте проблематизации культурной индустрии следует выделить в исследовании У. Эко особенности описания архитектуры как особой «формы массовой коммуникации» [2, с. 301]. Прежде всего, интересно само привлечение архитектуры в качестве одного из образцов массовой коммуникации. Как вид искусства архитектура обладает двойственным характером: с одной стороны, является проявлением творческих талантов ее создателей, с другой – воплощением некоего рода «социальной договоренности» и усредненной доступности. При этом У. Эко обратил внимание на неотчуждаемую и неизбежную социальную функцию архитектуры: «Она всегда держит в поле зрения общество, в котором живет, но подвергает его критике, и всякое подлинное произведение архитектуры *привносит что-то новое*, будучи не просто хорошо отлаженным механизмом для проживания, соотначающим соответствующую идеологию, но самим фактом своего существования ставя это общество, способы проживания и обосновывающую их идеологию под вопрос» [2, с. 301–302]. Эта мысль иллюстрирует один из способов трансформации культурной индустрии в средство рефлексии над собственными основаниями.

Концепция «непроизводительного труда» Ж. Бодрийяра

Еще одним мыслителем, обратившимся к анализу природы массовой индустрии и реализовавшим переход от структурализма к постструктурализму, является французский философ Ж. Бодрийяр. Его работы приобретают особую значимость в связи с необходимостью выявления специфики трансформации характера производства во второй половине XX в., дифференциации теоретических философских схем анализа этой трансформации.

При обращении к проблеме трансформации характера производства на протяжении всей истории его развития Ж. Бодрийяр делает понятия «ценность» и «стоимость» центральными в своем исследовании. Генеалогия закона ценности позволяет реконструировать изменение кода организации социальной реальности. На первой стадии эволюции человечества доминировал природный или божественный закон ценности. В период промыш-

ленной революции начинает преобладать рыночный закон стоимости. На основе выстраивания эквивалентности различных типов труда устанавливается порядок строгой детерминации. В результате, появляется воображаемая референция стоимости продукта. Закон «референциальной стоимости» с течением времени сменяется структурным законом ценности, «структурной игрой ценности» [3, с. 52], породившей гиперреальность кода. Соответственно законам ценности, Ж. Бодрийяр выделил три порядка симулякров (подделка, производство, симуляция), сменяющих друг друга революционным путем. Симулякры третьего порядка – это и есть гиперреальность, в которой умирает производство, смысл трудовой деятельности, желание трудиться.

Этот вывод Ж. Бодрийяра отнюдь не метафоричен, он как социолог опирался на статистические данные развитых стран, которые уже в то время столкнулись с парадоксальным явлением – рост заработной платы не гарантирует воспроизводство рабочей силы, не говоря уже о качестве самой трудовой деятельности при недостатке мотивированной рабочей силы. Эту нехватку стали компенсировать мигранты и представители неблагополучных слоев населения. Однако сама проблема сохраняется. Производство и труд умирают в современном обществе, так как доминирует реальность капитала, самообмениваемости знаков на самих себя без всякой референции к какому-либо денотату в объективной действительности. Трудиться возможно лишь в той степени, в какой воспроизводится сама «предназначенность к труду» [3, с. 58]. Последняя угнетает вплоть до отчаяния самоуничтожения.

Когда всякие стимулы мотивации труда оказываются недейственными, тогда единственным выходом из этой кризисной ситуации является маркирование всей социальной реальности как трудовой, в которой повседневные будни, свободное время и развлечения инкорпорируются логикой системы в воспроизводственные циклы трудовой деятельности. «Вас больше не отрывают грубо от обычной жизни, чтобы бросить во власть машины, – вас встраивают в эту машину вместе с вашим детством, вашими привычками, знакомствами, бессознательными влечениями и даже вместе с вашим нежеланием работать...» [3, с. 62]. Когда весь социальный капитал представляет собой рабочую силу, тогда нет необходимости в покупке или продаже ее, «...теперь она служит объектом дизайна, маркетинга, мерчендайзинга; производство включается в знаковую систему потребления» [3, с. 63]. Но труд уже отнюдь не является производительным.

Рассматривая понятие «непроизводительного труда», Ж. Бодрийяр критиковал марксистское определение производительного труда как того, что «производит свою противоположность (капитал)» [3, с. 66]. В таком случае изначально исключается возможность маркирования самовоспроизводящегося труда как производственного, «труд сливается с обслуживанием» [3, с. 67]. Более того, он теряет свои специфические качества по сравнению

с другими видами практики. Исходя из данного анализа Ж. Бодрийяра, можно сделать вывод, что марксистская парадигма при осуществлении анализа современной трудовой деятельности оказывается недостаточной.

Для того, чтобы определить причину развития этой проблемы и найти средства ее разрешения, необходимо вскрыть логику эволюции индустриального общества. Ж. Бодрийяр, подобно К. Марксу, в отношении возможности преодоления существующего типа производства, ставит закономерный вопрос относительно перспектив разрушения или преодоления симулякров третьего порядка, выхода на новый уровень развития: «Существует ли теория или практика, которая была бы субверсивной в силу большей алеаторности, чем сама система?» [3, с. 46]. Вывод не утешителен: «Один лишь беспорядок символического способен прорваться в код» [3, с. 47].

Выявляя характеристики современного общества, Ж. Бодрийяр описывает ту социальную модель, которую многие исследователи обозначают как модель «информационного» и «постинформационного» общества. Жесткая структура фабричного производства и детерминированного мышления сменяется мобильной сетью недетерминированных носителей кодов. Однако Ж. Бодрийяр критично и пессимистично оценивает перспективы развития такой цивилизации, так как умирают не только производство и труд, исчезает суть самого «социального», нивелируется личность в поле игры структурных ценностей.

В этом контексте культурная индустрия предстает как симуляция третьего порядка, механизм разламывания культуры на множество мелких знаковых элементов, хаотично перемешивающихся в системе капитала. Парадоксально, несмотря на свое обозначение, она уже не имеет дело ни с культурой как таковой, ни с производством, так как культура декультивируется капиталом, а производство воспроизводит декультивированные знаки без референций к каким-либо реальным объектам.

На основе рассмотренных работ можно сделать вывод о параллельном разворачивании различных ценностных позиций в отношении культурной индустрии. Несмотря на техницистски воодушевленную индустриальную политику конца XIX – начала XX веков, большинство представителей философского интеллектуального сообщества, начиная с идей неклассической философии (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Г. Зиммель, представители философии экзистенциализма, феноменологии и др.), были обеспокоены пагубным воздействием техногенной цивилизации на социальную реальность и окружающую среду. Негативное воздействие ставило под вопрос возможность оправдания взаимодействия между искусством и промышленностью в современном обществе.

В рамках философии структурализма был реализован семиотический анализ различных типов знаковых систем культурной индустрии, разработан специальный категориально-понятийный инструментальный исследования особенностей производства и потребления продуктов массовой ком-

муникации, предложены средства и способы осуществления метаанализа закономерностей развития массовой индустрии, ее воздействия на социальную реальность. Постструктурализм осуществил критику оснований структуралистского подхода, продемонстрировав безальтернативность развития массового производства и потребления, невозможность преодоления их суггестивного воздействия, и в то же время, предложил ряд инструментальных средств объективации данной проблемы в рамках открытого поля реинтерпретаций. В результате, если в философии структурализма культурная индустрия рассматривается как система знаков, то в философии постструктурализма она превращается в неорганизованное пространство хаотичных потоков знаков.

В дальнейшем постмодернистский подход позволил вскрыть новые плоскости реализации критики современной культурной индустрии. Отказываясь от попыток «переигрывания» ее базисных принципов функционирования в пользу ироничного признания себя в качестве непосредственного объекта ее воздействия, представители постмодернистской философии парадоксальным образом обеспечили политиков средствами оборачивания массовой культурной индустрии из «отрицательного героя» в необходимого «телохранителя» мозаичных остатков собственной культуры.

Признавая невозможность поворота процесса развития культурной индустрии вспять или радикальной трансформации принципов ее развития, заложенных в установившейся системе, представители структуралистской и постструктуралистской философии привлекли внимание мирового сообщества к необходимости постановки вопроса относительно реконцептуализации феномена культурной индустрии как одной из сфер экономики, поддающейся операциональному управлению. Капитал этой сферы начинает рассматриваться во второй половине XX века как средство рекурсивного оборачивания человека к рефлексии над принципами конституирования собственных мыслительных схем и ценностных парадигм. Прописывая и вскрывая механизм эволюции современной цивилизации и характерных для нее схем мыслительной деятельности, представители структуралистской и постструктуралистской философии посредством своих теоретико-методологических средств содействовали дальнейшей выработке концептуальных оснований прикладных программ развития культурной индустрии.

Таким образом, уже сама критическая парадигма структурализма и постструктурализма способствовала постановке проблемы взаимодействия искусства, науки, промышленности и бизнеса, осмыслению ее с помощью новых понятий, трансформированных с течением времени в политические «бренды». Кроме того, она задала стратегии концептуализации интерпретаций процессов взаимодействия экономики и культуры, выработки и реализации стратегических программ управления обществом [4]. Не случайно, первые специализированные французские и британские государственные программы по развитию культурной индустрии [5; 6], а позднее и креатив-

ной индустрии [7; 8], начали разрабатываться в процессе реализации философской социально-критической полемики вокруг феномена и понятия культурной индустрии [9]. Более того, сама эта критика стала импульсом и основанием разработки в конце XX века многообразия концепций креативной индустрии, разворачивающихся в русле философского переосмысления роли, места и функций культурной индустрии в современном обществе.

Список использованных источников

1. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; сост., пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
2. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал.: В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Symposium, 2004. – 543 с.
3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – 2-е изд. – М.: Добросвет, 2006. – 389 с.
4. Matsevich, I. Contemporary programs and strategies of cultural policies: socio-philosophical analysis / I. Matsevich // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2009. – Vol. 4, № 2. – P. 191–200.
5. French cultural policy debates: a reader / ed. J. Ahearne. – L.: Routledge, 2002. – 221 p.
6. The UK cultural sector: profile and policy issues / ed. S. Selwood. – L.: Policy Studies Inst., 2001. – 572 p.
7. Creative Industries Mapping Document, 1998 // Department for Culture, Media and Sport, United Kingdom [Electronic resource]. – Mode of access : http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20100407120701/http://www.culture.gov.uk/reference_library/publications/4740.aspx. – Date of access: 2.08.2011.
8. Creative Industries Mapping Document, 2001 // Department for Culture, Media and Sport, United Kingdom [Electronic resource]. – Mode of access: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.culture.gov.uk/global/publications/archive_2001/ci_mapping_doc_2001.htm. – Date of access: 2.08.2011.
9. Мацевич, И. Я. Постановка проблемы культурной индустрии в социогуманитарном познании / И. Я. Мацевич // Проблемы управления. – 2008. – № 4. – С. 92–95.

(Дата подачи: 17.02.2015 г.)

П. П. Можейко

Полесский государственный университет, Пинск

P. P. Mozheyko

Polesye state university, Pinsk

УДК 130.3: 2

АНТИЧНОЕ ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АКСИОЛОГИИ ХРИСТИАНСТВА

ANTIQUÉ PHILOSOPHICAL HERITAGE AS IMPORTANT COMPONENT OF THE AXIOLOGY OF CHRISTIANITY

В статье прослеживается влияние античной философии на аксиологию раннего христианства. А также заимствование терминологии античной философии раннехристи-